

18+

Денис Донченко

Логика
абсурда

Денис Донченко

Логика абсурда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48631132

ISBN 9785005079350

Аннотация

Вы держите в руках сборник прозаических произведений Дениса Донченко (1965—2014) – художника-живописца, мультипликатора, создателя клипа «Мушица» легендарной группы Н. О. М. «Лapidарный абсурдизм» – именно так сам автор называл жанр своих произведений.

Содержание

Об авторе	5
К.Э.Ц.	7
Борьба с умом	20
Дуэль	30
(исторический очерк)	30
Мать	34
(литературоведческое эссе)	34
Шахтерская лошадь	36
(фэнтези)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Логика абсурда

Денис Донченко

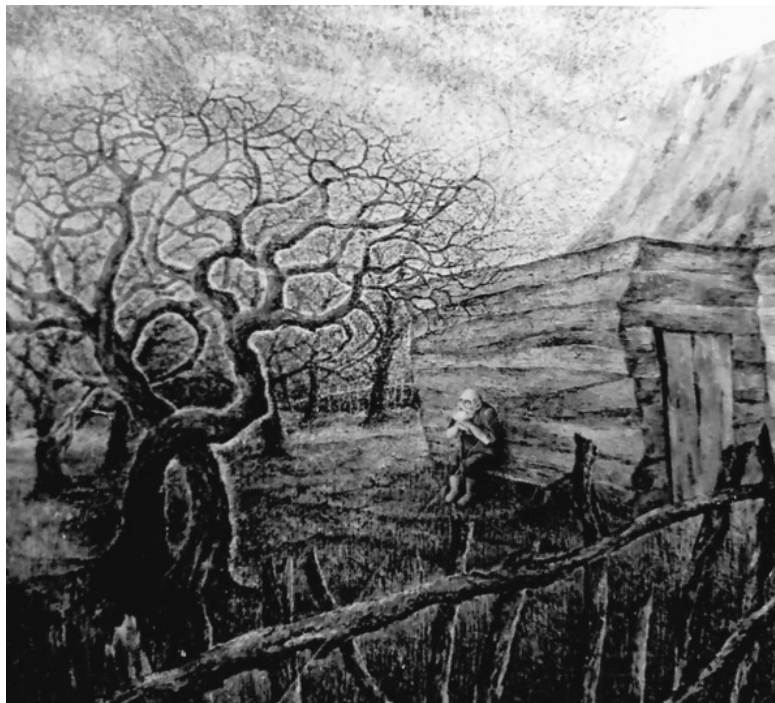
© Денис Донченко, 2019

ISBN 978-5-0050-7935-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Донченко Денис Борисович родился в 1965 году в Ленинграде. Учился в ДХШ. В 1988 году закончил Военмех. Член Товарищества Свободных Художников Санкт-Петербурга с 1988 года. Продолжительное время работал в технике масляной живописи. С 1995 года увлекся мультипликацией и компьютерной графикой. Оборудовал небольшую студию. Принимал участие в создании клипов Б.Г., «Колибри», «Дедушек», Насти Полевой и т. д. Плотно сотрудничал с группой «Н.О.М». Результатом сотрудничества стал клип «Мушища», получивший первую премию на фестивале КИНОРОК'2003 в номинации лучший анимационный клип. В 1998 году в результате тяжелой болезни полностью потерял зрение. В 1999 году занялся скульптурой. Работал в технике гальванопластики, создавал скульптуры, используя в качестве материала дерево, гипс, глину. Художнику нравилось создавать синтез разных искусств. Поэтому практически к каждой работе был написан как-бы небольшой иронический и абсурдный рассказ в стиле небезызвестных Майти Буш. Вскоре болезнь дала осложнения на почки и ноги. Не имея возможности заниматься скульптурой, художник писал музыку и занимался литературным творчеством. В 2014 году после продолжительной и тяжелой болезни Денис Донченко ушел из жизни.

К.Э.Ц.

Стояла ранняя осень 1857 года. В заброшенном среди глухих Рязанских болот и лесов с. Ижевское в избе лесничего Эдуарда (обычное имя среди здешних лесничих) родился младенец примерно 20 фунтов веса. Мальчик был крепок, румян, но туг на одно ухо.

Отец его, потомок польского еврея Шлемазла Штеньковского, по недоразумению сосланного в Сибирь во время Варшавского восстания, взял себе во избежание преследований фамилию Ц. в память о прабабушке Цилии Ароновны Мезеншмейер; крестился, выправил метрику польского шляхтича и в попытке пешком достигнуть польского местечка Дзялдово, заблудился среди Рязанских топей. Через три года блуждания в лесах он случайно встретил на поляне местную юродивую девку Евдокию, собиравшую мухоморы для жульена, полюбил её, женился на ней и осел.

Встреченным несколько позднее в лесу царским чиновникам он представился местным лесничим, коих в здешних местах сроду не водилось. Но вид его был так убедителен (сказались три года блуждания в лесу), что чиновники тотчас поверили ему и выдали соответствующий документ. Неправильная диета, которой длительное время придерживалась Евдокия, являлась в течении четырнадцати лет препятствием для заведения потомства. Однако, неурожайная на грибы

осень 1856 года вынудила Евдокию перейти на заячью капусту и мясо бурундуков, отчего она тут же понесла. Рожала Евдокия из-за неправильного положения плода чрезвычайно трудно, а пьяная повитуха Пелагея приглашённая из соседней деревни, воспользовавшись ухватом, дабы облегчить страдания роженицы, к сожалению, повредила одно из ушей младенца, который был, несмотря ни на что, окрещён и наречён К.

О детстве К.Э.Ц современным исследователям известно немного, так как в возрасте двух лет, сопровождая свою мать в лес по грибы, он потерялся и был сочтён безутешными родителями погибшим. Вскоре, однако, у селян стала пропадать сперва мелкая, а затем всё более крупная скотина, что родителями потерянного ребёнка воспринималось, как добрый знак, так как давало им надежду на возвращение сына. Изобретательность, с которой происходило воровство скотины, ставила селян в тупик и, несмотря на то, что большинство из них были профессиональными охотниками, изловить виновника потравы не удавалось. В конце концов староста села поклялся на кресте поймать вора, но пропал в лесу сам.

Через девять лет поголовье домашней скотины в селе Ижевское было полностью истреблено, и в одну из ночей пропавший мальчик постучался в избу своих родителей. В ответ на вопрос о том, где он пропадал всё это время маленький К. не смог сказать ничего вразумительного. Селянами же были замечены многие странности в облике и пове-

дении вернувшегося мальчика. Так, например, сын пропавшего старосты утверждал, что одежда К. очень напоминает отцовскую, в которой того видели незадолго до исчезновения в лесу. Но так как в запальчивости он стал утверждать, что и наколка на правой половине груди мальчика, изображающая лик царя Александра-освободителя, в точности такая же, как была у его отца, то слова сына старосты не были восприняты всерьёз.

Поскольку К. уже исполнилось одиннадцать лет, он был определён в первый класс местной Церковной приходской школы, где его приняли весьма холодно. Дети дразнили его за глухоту, обзывали утконосом, а учителя не упускали возможности реализации своего права применения телесного наказания и изломали об него годовой запас линеек, циркулей и транспортиров. В результате и без того нелюдимый ребёнок ещё более замкнулся в себе, и в безлунные ночи его стали часто заставлять за созерцанием небесных светил; возможно, уже тогда его посещали мысли о том, что Земля – это не лучший из существующих миров. Через год обучения К. (в дальнейшем по инициалам – К.Э.Ц) покинул школу и продолжил занятия науками самостоятельно. Так как задания он вынужден был задавать себе сам, и сам же ставить себе за них отметки, то курс гимназии он закончил быстро, при чём, с золотой медалью, в качестве которой гордо носил на шее продырявленный гвоздём гривенник. Когда же он сдал экстерном экзамен на звание учителя арифметики Боровского

уездного училища Калужской губернии, что стоило его отцу трёх лосиных туш и пятидесяти рублей денег, откладываемых на чёрный день, то вовсе возгордился, и из принципа отказался слушать окружающих не только глухим, но и вторым, вполне сносно слышащим, ухом.

Удивление от открывшихся перед ним потенциальных возможностей преподаваемой в сельской школе арифметики, было столь велико, что всё своё свободное время К.Э.Ц стал посвящать научным изысканиям. Уникальность последних заключалась в том, что молодой сельский учёный, не подозревая о достижениях своих предшественников, самостоятельно разработал теорию газов, открыл закон сохранения энергии, закон всемирного тяготения и ряд других основополагающих законов, а также взял за правило ежедневно писать не менее восьмидесяти научных работ, одна из которых: «Механика животного организма» оказала такое воздействие на неустойчивую психику профессора И. М. Сеченова своими далеко идущими выводами, что К.Э.Ц был по его предложению направлен для тщательного освидетельствования в русское физико-химическое общество. Сам же И. М. Сеченов в состоянии глубокой депрессии направился к себе на Канатчикову дачу, где вскоре и скончался.

Едва ли не первой научной идеей, осенившей К.Э.Ц, была модель цельнолитого металлического аэростата, способного с невероятной быстротой совершенно бесшумно взлетать и, преодолевая огромные расстояния, переносить грузы боль-

ше собственного веса. Безусловно, данный проект намного опережал и продолжает опережать своё время. Но, несмотря на неоднократные обращения в правительство и Генеральный штаб Русской армии из-за закоснелости и близорукости царских чиновников и генералитета проект не был воплощён в жизнь по причине отказа в запрашиваемых субсидиях.

Не менее интересной идеей К.Э.Ц следует считать намерение приехать в Канны на воздушной подушке. В результате произведённых впоследствии расчётов оказалось, что для создания необходимой подъёмной силы потребуются, как минимум, четыреста тридцать два велосипедных насоса и столько же рабочих, во время движения непрерывно приводящих их в движение с помощью мускульной силы. Осуществление этого проекта также требовало значительных субсидий, получить которые изобретателю не удалось.

Однако, неудачи с аэростатом и воздушной подушкой, разумеется, не могли остановить полёта творческой мысли молодого гения. Следующим проектом К.Э.Ц стал обтекаемый аэроплан с крыльями, имеющими толстый профиль. Предполагалось в качестве такового использовать вышедшие из употребления паровозные котлы, по мнению изобретателя обладающие необходимыми кривизной и жёсткостью. Таким образом, одновременно решался вопрос об утилизации отслуживших свой век паровых котлов и воплощалась в жизнь извечная мечта человечества о покорении воздушного пространства. Описанная идея излагалась КЭЦ в статье

«Аэроплан или Птицеподобная машина» (1894 г.), но хотя чертежи данного аэроплана в очередной раз предвосхищали конструкции самолётов XXI, а, может быть и XXII веков, всё та же закоснелость и близорукость царского чиновничества и генералитета помешали учёному получить запрошенную субсидию.

Первой и последней субсидией, полученной К.Э.Ц, была субсидия царского правительства на создание первой в мире аэродинамической трубы с открытой рабочей частью (1897 г.). Во время её демонстрации представителям объединённой комиссии Академии наук и Генерального штаба Русской армии выяснилось, что труба много меньше ожидаемых размеров и количество затраченных на её производство материалов не оправдывает своей стоимостью величину выделенной субсидии. Мало того, во время запуска агрегата генералу-майору А. П. Мешкову, непозволительно близко подошедшему к обдуваемым моделям, вырвало с корнем бороду. В итоге на дальнейшие изыскания КЭЦ не имел ни средств, ни даже моральной поддержки.

Безусловно, самым непререкаемым авторитетом в области ракетного двигателестроения для К.Э.Ц являлся небезызвестный Н. Н. Кибальчич. До сих пор многие из ведущих конструкторов авиастроительных компаний перед тем, как принять окончательное решение о характеристиках будущего проекта, подолгу недоуменно крутят в руках ксерокс с собственноручного рисунка русского революционера.

«Схема т. Кибальчича – до гениальности проста, – пишет в январе 1922 г. на полях газеты „Красный дояр“ К.Э.Ц, – но явно не закончена. Уверен, что если бы его повесили 3 днями позже, то он успел бы дорисовать несколько одному ему известных элементов, и все мы теперь были бы уже на луне».

Коренным переломом в биографии К.Э.Ц следует считать Октябрьскую революцию 1917 года, положившую начало концу его надежд на получение крайне необходимых для дальнейших научных поисков субсидий. Большевики, узнав от К.Э.Ц, что на луне нет, не только классовой борьбы, но даже нет пролетариата, сгоряча хотели его расстрелять; но он так устрашил их видом громадной железной воронки, с помощью которой симулировал глухоту, что они отпустили его восвояси, расстреляв взамен 10 первых попавшихся калужан.

Из-за разрухи и нищеты, царивших в молодой Советской республике, первой ракетой, которую запустил К.Э.Ц, была новогодняя хлопушка китайского производства. Простота и дешевизна её изготовления так потрясла К.Э.Ц, что он стал всерьёз подумывать о том, чтобы отправиться на воздушной подушке не в Канны, как это предполагалось ранее, а на родину пороха, в Китай. Однако, Сунь Ят Сен, которому он регулярно отправлял телеграммы, ни разу не ответил на предложения гениального учёного и проект не состоялся.

По воспоминаниям бывшей домохозяйки К.Э.Ц, здрав-

ствующей до сих пор, К.Э.Ц чрезвычайно интересовался возможностью совершения половых контактов в открытом космосе, для чего им был даже сконструирован специальный стыковочный механизм. Дело в том, что К.Э.Ц, так же как и его верный последователь С. А. Королёв, всерьёз надеялся стать первым космонавтом. Сам он в целях привыкания неделями не снимал разработанную им конструкцию, однако супруга его и даже домохозяйка, к которым он неоднократно обращался с просьбами, наотрез отказались участвовать в важном научном эксперименте и примерить свою (женскую) часть стыковочного механизма. Оскорблённый отказом, К.Э.Ц три с лишним года не разговаривал, притворяясь немым, с супругой и домохозяйкой, до тех самых пор, пока окончательно не охладел к теме предложенного им эксперимента.

В последние годы жизни К.Э.Ц утверждал, что им как нельзя лучшим способом решена задача посадки межпланетных аппаратов на грунт планет, не имеющих атмосферы. Однако опубликованных документов или хотя бы черновиков, подтверждающих подобного рода утверждения, до сих пор не найдено. Правда, американскими космонавтами во время их первой высадки на луне были обнаружены в лунной пыли странные следы. По мнению, впоследствии сошедшего с ума космонавта Н. Л. Армстронга (родного сына известного певца), следы были явно человеческими и немного напоминали отпечатки обыкновенных санда-

лий. Одна из сандалий была найдена в конце следа на территории кратера, названного в честь этого кратером Ц. Вторую сандалию, испачканную пылью неизвестного происхождения, можно увидеть в экспозиции музея учёного в Калуге. В связи с этим имеет смысл упомянуть подлинные обстоятельства смерти К. Э. Ц.

Достоверно известно, что испытание жидкого топлива для ракетных двигателей, которые могли бы позволить преодолеть силу земного притяжения, было одной из самых главных целей учёного. К сожалению, необходимых условий для этого – наличия сколько-нибудь приличной химической лаборатории и соответствующих реактивов – не было, ввиду отсутствия государственного (а иного при советской власти быть не могло) финансирования.

Испытания происходили в сарае, построенном специально для этих целей во дворе будущего музея. Несомненно, что вредные испарения ингредиентов жидкого топлива сильно влияли на здоровье К. Э. Ц. Особенно, сила их губительного воздействия становилась очевидной по утрам. В рассветные часы, проснувшись раньше прочих домочадцев, учёный с трудом удерживался от того, чтобы немедленно не продолжить прерванные накануне исследования. Удерживался он, благодаря настойчивости супруги, не одобрявшей его научной деятельности, часов до десяти утра, после чего решительно направлялся в лабораторию. Попытки супруги остановить его – супруга висла на ногах учёного, на его руках,

бороде и других частях тела – никогда не приводили к желаемому результату.

К.Э.Ц, несмотря ни на что, к двум часам пополудни добирался к ёмкостям с образцами жидкого топлива и упрямо принимался за дело. Супруга при этом продолжала его держать за последнюю часть тела, которая попалась ей в руки. Учёный по рассеянности не замечал её, и смело опробовал новые сочетания имевшихся в его распоряжении ингредиентов.

Надо сказать, что кроме веществ, получаемых посредством перегонки или, как любил говаривать сам К.Э.Ц, сублимации из растущих на приусадебном участке фруктов и овощей в лаборатории ничего не было. В жертву приходилось приносить свой собственный организм. Внешность учёного в результате проводимых опытов сильно изменилась.

Нос его, и без того очень крупный и угреватый, покрылся фиолетовыми жилками и увеличился вчетверо. Глаза сделались маленькими и чрезвычайно красными (иногда, особенно, по утрам К.Э.Ц стал подносить к глазам рупор, прежде использовавшийся им в качестве усилителя звука), руки начали вибрировать, как корпус космического корабля перед стартом, а ноги он стал расставлять очень широко, как-то не поземному забрасывая их при ходьбе.

Когда К. Э.Ц выбирался в погожий зимний вечер на лёд местной речки, где проводили время калужские любители коньков, догнать его даже опытным фигуристам не представ-

лялось возможным. При достижении учёным максимальной скорости – остальные из опаски отбрасывали коньки и занимали наблюдательные места на берегу – из-под нижней части его цельнолитой чугунной крылатки с рёвом вырывалось мощное оранжевое пламя. Публика разражалась рукоплесканиями. При свете этого пламени детвора лепила снежные скульптуры Будённого и остальных героев первой конной армии, взрослые же заводили полезные знакомства, детей и популярный в то время «Интернационал». Единственное, что несколько портило впечатление – это супруга К.Э.Ц, неизменно державшая мужа за ноги и при скольжении об лёд издававшая неприятный, режущий слух скрежет.

В день своей смерти К.Э.Ц, как обычно, к двум часам дня с трудом – из-за тяжести тела своей супруги, продолжавшей в этот момент держать его за ноги, – достиг лаборатории и принялся за любимые опыты. В три часа дня жители Калуги услышали страшный взрыв. На месте лаборатории К.Э.Ц образовалась глубокая (около 14 метров) воронка, на дне которой была обнаружена уже упомянутая сандалия, занявшая достойное место в экспозиции музея покойника.

Прибывшие на место трагедии оперуполномоченный Яков Сукинсон и работник криминального отдела Лейб Штукенмондер не обнаружили никаких (кроме сандалии) останков супругов Циолковских. Единственным найденным свидетелем случившегося оказался местный дворник Муса Габайдуллин, уверявший, что сразу после взрыва видел как

в облаках промелькнуло и исчезло странное оранжевое пятно; при этом с неба, якобы, раздался торжествующий смех и какая-то, потонувшая в грохоте, фраза, смысла которой свидетель передать не смог. Других сколько-нибудь внятных свидетельств получить не удалось и следствие упёрлось в тупик. За допущенную оплошность Лейб Штукенмондер был немедленно расстрелян, а Яков Сукинсон сменил фамилию на Лихтенштейн, что, безусловно, его спасло – в результате он был расстрелян только двумя месяцами позже.

Найденная в доме цельнолитая чугунная крылатка была использована при создании памятника, установленного в честь К.Э.Ц в Калуге, где учёный стоит рядом с серебристым туловищем ракеты, устремлённой ввысь.

Судьба найденной на Луне сандалиии явилась причиной серьёзных политических разногласий между США и СССР в 60-х годах. После статьи в «Пионерской правде» о первенстве СССР в высадке на Луне, в доказательство чего приводилось наличие в экспозиции Калужского музея К.Э.Ц второй сандалиии, соответствующей найденной Н. Л. Армстронгом на Луне во время первой высадки, Генеральному секретарю КПСС Л. И. Брежневу была отправлена официальная нота США. В результате сложных телефонных, телеграфных и телевизионных переговоров две противоборствующие стороны пришли к соглашению, согласно которому СССР обязался не настаивать на своём совершенно очевидном первенстве в высадке на Луне. США, в свою очередь, обеща-

лись не заявлять на официальной сессии ООН, что межконтинентальные баллистические ракеты, провозимые по Красной площади в день 9-го мая сделаны из картона американского производства.

Таким образом, обстоятельства гибели К.Э.Ц и по настоящий момент являются тайной за семью печатями. Только нашим потомкам по достоинству удастся оценить подлинное значение научной деятельности и истинные обстоятельства смерти (или исчезновения?) К.Э.Ц.

Борьба с умом

Целью этой короткой заметки является развенчание укоренившегося в умах народов мифа об исключительной умственной потенции и технической одаренности японской нации.

Существующий набор стереотипов, характеризующих культуру какой-либо страны, формирует образ данной нации в сознании ее соседей, (по мере развития средств коммуникации у всего мирового сообщества), но к самоидентификации этой нации, как правило, никакого отношения не имеет. За примерами далеко ходить не надо. Какие ассоциации возникают в голове простого россиянина при упоминании вождя слова «Франция»?

Перечень возникающих образов, как правило, романтических, довольно обширен. Перечислим наиболее часто употребляемые: Артю́р Рембо, Поль Верлен, Шанель №5, Жюль Верн, освобожденный Великой Французской революцией из застенков Бастилии маркиз де Сад, Жан Поль Сартр, Жан Поль Бельмондо, Потье, рантье, Жан Поль Готье, Жанна д'Арк, жареные каштаны, Жерар Депардьё, Дюма Отец и Сын, порожденные Отцом «Три мушкетера», Народный артист России Михаил Боярский в роли д'Артаньяна и т. д. Перечисления можно продолжать достаточно долго.

А теперь обратимся к недавнему социологическому опросу, проведенному среди подписчиков еженедельника «Пари-матч», в котором предлагалось читателям назвать любые личности, события, предметы и прочее, олицетворяющие собой Францию. Список оказался достаточно коротким. Приводим его полностью: дешевая модель «Ситроен 2CV», выпуска первых послевоенных лет, жареные каштаны, – (единственное совпадение), патент на изобретение, выданный во времена Великой Французской революции хирургу Жану Гийотену, автору повсеместно известного механизма и, как ни странно, американский режиссер Альфред Хичкок.

Франция, страна хоть и популярная среди россиян, но все-таки достаточно удаленная, не имеющая общих с нами границ. Казалось бы, вполне логичным счесть этот фактор главной причиной столь разительных несовпадений. Однако, легко доказуемо то, что географическая удаленность в данном вопросе не играет существенной роли. Для этого достаточно обратиться к другому, наиболее близкому нам как с исторической, так и территориальной точки зрения примеру.

Ныне независимая, а до недавнего времени неотъемлемая часть нашей Родины – Эстонская республика, как правило, ассоциируется у русского человека со следующими понятиями: керамическая бутылка бальзама «Ванна Таллин», юридический характер и связанная с ним немногословность ко-

ренных жителей, Толстая Маргарита, Старый Томас, архитекторы: Т. Каллас, П. Тарвас, У. Тэльпус; живописцы: В. Каррус, Э. Пыльдроос, С. Вымер, С. Сымер, А. Старкопф; музыканты: Ф. А. Зебельман, П. Пенна, А. Ведро, П. Сюда.

Как мы видим, список достаточно внушительный и надо отдать должное русскому человеку, во многом льстит обостренному национальному самосознанию этого немногочисленного прибалтийского народа. При проведении аналогичного опроса среди местного населения, возникли серьезные затруднения, связанные, по всей видимости, с упоминавшимся ранее нордическим характером и немногословностью эстонцев. После титанических усилий группы исследователей, удалось получить на удивление короткий список, состоящий из одного предмета. Как ни странно это звучит, этим предметом оказалась литровая банка сомнительной хряпы, продаваемой повсеместно по цене 1 рубль 36 копеек и состоящей из смеси квашеной капусты, вареной перловой каши и свиных шкварок. Это и был истинный символ Эстонии.

Деревянные ложки, расписные матрешки, русская водка, папаха, собор Василия Блаженного и прочие атрибуты, возникающие в воображении западного человека при упоминании слова «Россия», так же невероятно далеки оттого, что мы думаем о самих себе. Достаточно вспомнить привокзальные туалеты и табуированную лексику на их стенах.

Как видно из всего вышесказанного, шаблонные образы

формируют весьма искаженные, оторванные от действительности представления о менталитете какой-либо нации. Истинные же символы, сформировавшиеся внутри самой этой нации и способные в наиболее полной форме раскрыть ее суть, либо игнорируются, либо попросту неизвестны иностранцу.

Закрытая для всего цивилизованного мира вплоть до середины 19 века, отсталая и никому неизвестная Страна Восходящего солнца к моменту открытия своих границ прозябала в позднем феодализме. Сверхались великие географические открытия. Монархии сменялись республиками. На смену тягловой силе пришел пар. Телеграфные линии связали континенты. Но на японском архипелаге время как будто остановило свой бег. И только залпы эскадры Перри Мэтью Колбрайта открыли иностранным кораблям доступ в порты Симода и Хакадате. С этого момента мир начал узнавать Японию и, как следствие этого узнавания, начал формироваться набор стереотипов, характеризующих с точки зрения иностранца дух островного народа.

Задержавшиеся в своем историческом развитии самураи, варварские средневековые обряды по типу ритуального самоубийства харакири и прочее, – все эти вопиющие анахронизмы, достойные лишь музея исторических курьезов, как ни странно, послужили поводом к возникновению мифа о пресловутой силе пресловутого японского духа. В течение последующих ста лет по мере исторического и технического

развития современной цивилизации миф этот также претерпевал всевозможные трансформации, обрастая новыми деталями, теряя лишнее и, к середине 70-х годов 20 века окончательно сформировался в своем нынешнем виде.

Появление на мировом рынке, а также на блошиных рынках и вещевых ярмарках огромного количества дешевых тайваньских радиол с маркой: «Сделано в Японии» привело к тому, что основной национальной чертой японца незаслуженно стали считать его невероятную техническую грамотность. Следует отметить, что использование слова «Япония» на аляповатых этикетках, украшающих непрочные пластмассовые изделия отнюдь не случайно, и связано исключительно с географическим понятием площади территории. Дело в том, что остров Тайвань настолько микроскопичен, что доморощенные тайские кустари-радиотехники сочли нерентабельным включать столь малоизвестное географическое название в надпись, указывающую на место изготовления аппарата, и использовали более знакомое потребителю название государства, расположившегося на Японском архипелаге.

В результате на сегодняшний день мы имеем примерно следующий список расхожих клише – Панасоник, Сони, Шарп, Ямаха и т. д. А также более традиционные: Фудзияма, Йокохама, Йоко Оно, Амма Гамма, Хиросима, Есики Хаяма, Гордый Варяг, Куросава, Куросио, Нагасаки, Кавасаки, Курасики, кабуки, харакири, микадо, самурай, камикадзе, бан-

зай, Перл-Харбор, умственная потенция, гейша, сакэ, хокку, танка, Сейка, Сумо.

Данный перечень как уже, наверное, понятно читателю, отражает чисто европейскую точку зрения на Японию и, само собой разумеется, не совпадает за небольшими исключениями с истинным перечнем истинных символов этого государства, который мог бы быть составлен коренным ее жителем.

Справедливости ради, следует отметить и ряд совпадений, таких как хокку и танка, – жанры примитивного поэтического творчества, представляющие собой несколько не рифмованных и лишенных как размера, так и смысла предложений, – входящих в оба перечня. Но самое удивительное то, что европейцами все-таки был замечен, хотя и был поставлен на последнее место основополагающий, наипервейший с точки зрения японца символ его страны, а именно – национальный вид массового зрелища – Борьба Сумо.

В Борьбе Сумо, а вовсе не в умственной потенции и Фудзияме заключен весь глубинный смысл, все мировоззрение, философия и основные черты характера истинного японца. Борьба Сумо – это альфа и омега японского общества. Только через Сумо мы сможем понять, что же такое в действительности японский менталитет. Давайте же рассмотрим пристальнее это явление и в нем, как в капле росы, постараемся увидеть отражения всех сторон японской жизни.

Что же такое Борьба Сумо? Когда она возникла? Откуда взялось это странное название? В чем ее смысл? И почему она так популярна в Японии? Попробуем по порядку разобраться с каждым из этих вопросов.

В ноябре 1810 года на западное побережье острова Хонсю сезонной бурей был выброшен очередной российский бриг под названием «Бодрый». Капитан «Бодрого», мичман Ухматин, с остатками экипажа и оснастки был выловлен при помощи рыболовных снастей местными жителями, – рыбаками из Носиро. Носириане – люди в основном простые и не злобные не имели личной неприязни к потерпевшим. Однако, будучи гражданами законопослушными, были вынуждены запереть доблестный русский экипаж в сарае и послать гонца с известием о случившемся в отдаленное от побережья владение местного феодала, дабы тот сам решил дальнейшую участь пострадавших, так как в свете последнего указа, изданного этим вельможей, всех выловленных в море иностранцев надлежало немедленно казнить, на что у добрых носириан не хватило духу без соответствующего подтверждения. Дорога во владение вельможи была трудна, ибо изобиловала придорожными кабаками, и весть о происшествии, судя по всему, так и не достигла цели. Моряки прижились в сарае, освоились, обзавелись собственным хозяйством, овладели местными ремеслами, окончательно ояпонились и, через некоторое время оказались на свободе, так как постоянно перемешиваясь с приносившими им рис

и воду носирянами, постепенно просочились наружу. Хотя общее число заключенных оставалось неизменным, к концу второго года со дня кораблекрушения, сарай, по всей видимости, был заполнен уже исключительно местным населением, что, как мы видим, не свидетельствует в пользу теории о конгениальности японцев.

Столь необычный способ освобождения, связанный с толкотней и возней в дверном проеме получил у находчивых русских моряков название – «Борьба с умом», по вполне понятным причинам.

Окончательно ассимилировав, переживившись, и наплодив крупных японских детей, экипаж доблестного брига «Бодрый» тем не менее не забыл обстоятельств своего освобождения и каждый год во время «Праздника веревочного орнамента» довершал церемониальное причащение саке импровизированными инсценировками давно минувших событий. Годы безжалостно уносили на белоснежную вершину Фудзи реальных участников этой истории. Русская «С умом» постепенно превращалась в местное «Сумо». Забывались причины возникновения забавы. Однако, приглянувшееся действие продолжало жить, передаваясь от отца к сыну, превращаясь сначала в ритуал, а затем и в национальный вид спорта.

Изначальные признаки, связанные с необычными для местного населения крупными размерами первых участников «Борьбы с умом» постепенно гипертрофировались.

Борьба обростала сложной системой правил и канонов и, к началу 20 века, распространившись на всю территорию Японии, приобрела свой нынешний вид. Глядя на современных профессиональных борцов «С умом», пихающихся внутри обозначенного волосяной веревкой круга, трудно заподозрить, что их прототипом послужил доблестный русский мичман Ухматин.

Конституция среднестатистического японца не позволяет ему достичь роста, превышающего 1 метр 60 сантиметров и набрать вес более 45 кг. Так что приходится только удивляться достижениям японских селекционеров, сохранивших и усиливших до такой небывалой мощи породу славного Ухматина. Обладая невероятным и для европейца ростом, так называемые борцы откармливаются японским государством за счет средств налогоплательщиков до веса превышающего 4 центнера и считаются в Японии национальным достоянием. Причем, в государственном бюджете Страны Восходящего солнца на откорм единоборца отведена специальная статья, защищенная законом.

Если вы спросите любого японца, – каков на его взгляд основной символ его Родины, он, не задумываясь, ответит, – победитель чемпионата по Борьбе Сумо за прошлый год и Император.

После всего вышеизложенного, мне кажется, нет особых оснований включать умственную потенцию и техническую

одаренность в перечень основных символов японской нации, и стоит прислушаться к голосу простого японца, со рвением отдающего свои трудовые иены на вскармливание массивного и потного символа японской нации – ПОТОМКА РУССКОГО МОРЯКА.

Дуэль

(исторический очерк)

Этот поединок, потрясший Петербург до глубины души, случился между графом Андреем Андреевичем Волосаткиным и потомственным дворянином Андреем Петровичем Кожедубским на почве оскорблённой чести Арины Павловны, жены последнего и любовницы первого, которую первый в присутствии второго назвал б..дьё. Андрей Петрович Кожедубский, защищая честь супруги, вызвал Андрея Андреевича Волосаткина на дуэль. Но поскольку оба были вольтеррианцами и гуманистами, то, во избежании кровопролития, драться было решено на лёгких пощёчинах, но до победного конца, так как иначе поединок превращался бы в профанацию. Местом дуэли выбрали Чёрную Речку, ибо тамошние крестьяне были ко всему привычны, ленивы и нелюбопытны. Было девять часов утра, когда дрожки Андрея Андреевича Волосаткина и его секунданта, артиллерийского штабс-капитана Аполлинария Васильевича Усатова подкатили к условленному месту. Спустя несколько минут к условленному месту подкатили и дрожки Андрея Петровича Кожедубского с его секундантом, штабс-капитаном егерского полка Евгением Львовичем Шерстеедовым и доктором Христофором

Францевичем Шпицбергенсоном. За склонность к мизантропии доктор Шпицбергенсон был одобрен обоими сторонами, как человек не предвзятый. Брезжил рассвет. Штабс-капитан Шерстеедов бросил жребий, и первым давать лёгкую пощёчину выпало графу Волосаткину. Дуэлянты разошлись на тридцать шагов, секундант дал отмашку, и граф Волосаткин и наследный дворянин Кожедубский стали сходиться. Когда расстояние между ними сократилось до длины вытянутой руки Андрей Андреевич дал сопернику лёгкую пощёчину. В предрассветной тишине прокатилось звонкое эхо и стаи галок с криком поднялись в серое небо. Вслед за этим, с таким же звонким эхом пощёчину Андрею Андреевичу дал уже Андрей Петрович, затем пощёчину дал снова Андрей Андреевич. После Андрея Андреевича пощёчину дал снова Андрей Петрович, и так далее. В два часа дня оба штабс-капитана, сев в дрожки, уехали к Гобняеву и сыновьям выпить водки и отобедать. Доктор Шпицбергенсон, будучи иностранцем, водки не пил, матом не ругался, и вообще, вёл себя странно, а потому остался приглядывать за дерущимися. В восемь вечера, когда штабс-капитаны вернулись, Волосаткин и Кожедубский, с красными лицами, продолжали наносить друг другу лёгкие пощёчины. Уже стемнело и штабс-капитаны, разведя костёр, отправились в дрожки спать, а Христофор Францевич остался следить за костром. На следующее утро господа офицеры затушили костёр и снова уехали к Гобняеву и сыновьям обедать и верну-

лись к девяти часам вечера, привезя доктору Шпицбергенсону половину капустного пирога. Дерущиеся, с синими лицами по прежнему продолжали наносить друг другу лёгкие пощёчины, но со значительно большим промежутком и сопровождая лёгкие пощёчины стонами, причём обоюдными, так как у дерущихся невыносимо болели как лица, так и руки. Штабс-капитаны снова развели костёр и ушли в дрожки спать, оставив доктора Шпицбергенсона следить за огнём. На утро, проснувшись, секунданы обнаружили, что дерущиеся еле стоят на ногах, и подперев их палками, офицеры уехали к Гобняеву и сыновьям завтракать и выпить водки. Доктор Шпицбергенсон снова остался следить за дуэлянтами. Когда в семь вечера штабс-капитаны вернулись, они обнаружили дерущихся лежащими друг напротив друга с чёрными лицами, а доктора Христофора Францевича бледным и осунувшимся от усталости и бессонных ночей. Дерущиеся то и дело впадали в забытье, но были уложены доктором таким образом, что бы, придя в себя иметь возможность нанести противнику лёгкую пощёчину. Однако делали они это всё реже и реже, и в семь часов вечера доктор Шпицбергенсон констатировал, что господин Волосаткин отдал богу душу. Победившего Кожедубского, который был ещё жив, погрузили в дрожки и отвезли в Екатерининскую лечебницу, где его физическое здоровье вскоре пошло на поправку, но его душевное равновесие так к нему и не вернулось, и остаток своих дней он провёл в приюте для умалишённых.

ных. Государь-император Николай Павлович, по воспоминаниям современников с непреодолимым отвращением относившийся к дуэлям, узнав о поединке, блевал три часа, после чего своим указом внёс изменения в «свод законов уголовных», категорически запретив всякие дуэли в Российской империи. Однако, окончательно дуэли в России прекратились лишь после Великой Октябрьской Социалистической Революции, когда слово б..дь утратило своё первоначальное значение и стало общеупотребительным.

С уважением. Профессор Донченко.

Улан-муде. 20 января 2013 года.

Мать

(литературоведческое эссе)

Соседский мальчик лет десяти, ребёнок сильно пьющей женщины, дождавшись, покуда взрослые забудутся пьяным сном, включает на полную громкость хриплый доисторический проигрыватель, и поставив оставшуюся ещё от деда, зарезанного в своё время собственной дочерью, матерью нашего мальчика, пластинку, устраивает чудовищную пляску в ночи под монструозную музыку диско, надев на ноги кирзачи своего отчима. Спустя некоторое время мать, очнувшись от пьяного угара, поднимается со своего лежбища, и выдаёт мальчику богатырских дюлей, после чего ребёнок, с громким плачем и проклятиями в адрес матери, убирается спать. С монотонностью хорошо отлаженного хронометра эта картина повторяется каждую пятницу.

Этот рассказ из жизни современного рабочего класса я посвящаю великому русскому писателю Алексею Пешкову, которого, однако, несколько недолюбливаю, отчасти за его роман «Мать», повергающий читателя в уныние своим занудным нравоучительством, отчасти за «Песнь о буревестнике», удручающий своей занудной метафоричностью.

Искренне Ваш. Профессор Донченко.

Шахтерская лошадь

(фэнтези)

Уныла и неприятна осенняя пора в Очкове. Серый дождь, не переставая, моросит из небесной хляби, и грязные лужи хляби земной отражают в себе голые осины вдоль раскисших дорог, да полчища мокрых и злых ворон, кружащих в оловянном небе. Вдоль просёлков тянутся бесконечные поля чахлого буряка, частью убранные уже, а частью поеденные зайцем. А далёко за полями, за дальними перелесками, вырастают из туманной мороси словно из ниоткуда, величественные пирамиды отработанной горной породы. Когда-то, давным-давно, в эпоху правления могучих старцев, циклопические кучи эти звались шахтами «Надежда» и «Радость», но много лет минуло с тех пор. В годы Железного Тимура «Надежду» и «Радость» закрыли, и теперь в заброшенных штольнях под терриконами ютятся лишь партизаны, те, что не пожелали признавать итоги священной войны и бросать оружие. Большинство из них молоды, и появились на свет уже после победы, а по сему о германцах знают они лишь со слов своего контуженного предводителя. Но тем не менее, каждый день, в сумерки, вооружившись шахтёрскими лопатами, выходят они на колхозные поля лакомиться буря-

ком. Местные мужики не любят партизан, ибо вреда от них больше, чем от зайца, но терпят, и даже поймав не бьют. Кто ведаёт, может быть завтра закроют и твою шахту, и тогда, что бы не протянуть до весны от голода ноги, придётся и тебе уходить в партизаны. Если из райцентра доехать на автобусе до того места, где кончается шоссе, а дальше, надев говноступы, двигаться в сторону терриконов напрямик через свекольное поле, то уже через два часа, если, конечно, партизаны не отнимут говноступы, увидите вы за старыми плетнями две дюжины ветхих изб, и свора собачьих скелетов, обтянутых кожей, поджав хвосты пролают вам «велком ту Очково». Много лет назад, во времена Великой Стагнации, деревня эта процветала. В те стародавние времена, когда люди не умели ещё делиться на тех, кто имеет родину-мать, и тех, кого имеют те, кто имеет родину-мать, жизнь и здесь была ключом. Мопеды, до краёв заправленные бензином, сверкали хромом за каждым плетнём, а по вечерам, чернолицые и белозубые шахтёрские парни, вернувшись из забоя, бросали свои лопаты и перфораторы, и взявшись за гитары, пели про новый поворот. Много воды утекло с тех пор, и когда подули ветры перемен и Железный Тимур ликвидировал «Радость» Очково опустело. Все, кто мог держать лопату в руках, ушли в партизаны, и лишь старики да малые дети остались в деревне. Неуютно стало в Очково, особенно такими вот тоскливыми осенними вечерами, когда немногочисленные обитатели деревни запираются в своих хижинах, и толь-

ко холодный дождь стучит по крышам заколоченных изб, да промозглый борей гоняет по пустынным улицам невесть когда и кем утеранный пожелтевший ваучер.

На самом краю деревни, там, где единственная улица, пре-
вратившись в просёлок, уходит в раскисшее поле, стоит хи-
бара, на редкость старая и кривая даже по здешним мер-
кам. Ветхий плетень окружает огород в две сотки, засеянный
брюквой и буряком, и оба обитателя хибары, столетняя ста-
руха Никитична да её праправнук, Ванька-сирота, семи лет
отроду, вечно пахнувший дирилом и дерьмом, ходят с тре-
щотками между корнеплодов, охраняя урожай от ворон.

«Трищы громче, Ванька! – кричит глухая старуха па-
цану прямо в ухо, – Съест ворона брюкву, зимою с голо-
ду помрём!» И Ванька трещит, старается. Он любит брюкву
и не хочет помирать с голоду зимой. Родителей своих Ванька
не помнит, слишком был мал тогда. Знает только, что мать
его была учётчицей, а отец забойщиком, да то, что во время
аварии на шахте обоих их убило одной вагонеткой. Что та-
кое учётчица, забойщик, шахта и вагонетка Ванька понятия
не имеет, ибо с тех пор как Железный Тимур закрыл «Ра-
дость» прервалась связь времён. «Всё, Ванька, кончай тре-
щать, стямнело! – кричит старуха мальчишке в лицо, – Кон-
чились наши мученья, ворона спать пошла! Сбегай, посри,
да айда в хату, будем завтра урожай собирать!» Ванька, по-
заячьи подпрыгивая, бежит в лопухи за хибару, а старуха
утиной походкой семенит вслед за ним. Ветхий сортир пере-

полнен, и нет мужицких рук что бы вырыть новый, а посему оба они, стар и мал, усевшись рядком в бурьяне, торопливо испражняются под осенним ливнем. «Поспешай, Ванька, чай не президент! Неча расслаживаться, промокнем!» - подгоняет Никитична мальчишку. И вот уже закрыты наглухо двери хибары, и в тусклом свете лучины пляшут на оконном целлофане две тени, большая и маленькая.

Те, кому доводилось нынче бывать в шахтёрских избах, знают, сколь непритязателен их быт. В сенях лопата да каска с фонарём, тринадцатидюймовый Самсунг первого поколения на русской печи, да ещё в горнице, в серванте, старинный сервиз из ГДР, да томик Донцовой. Да только не идёт это всё ни в какое сравнение с убогим жилищем Никитичны. С тех пор, как зятя убило вагонеткой, остался у старухи в хозяйстве лишь старый стол, да лавка, почерневшая от времени, а на лавке, под рогожей, самогонный аппарат, сделанный Ванькиным отцом смеха ради из велосипедной рамы и рукомоёйника. Вот и гонит теперь старуха на этом аппарате свекольный самогон, да меняет его у партизан на соль да учебники для внука. Хоть сама Никитична и необразованна, в школе не училась, да и когда ей было учиться, то война, то революция, то всей страной рыли большую траншею, но есть у старухи заветная мечта – не желает она отцовской доли Ванюшке, хочется ей что бы закончил внук горный техникум и ходил в каске белой сменным мастером по новой шахте. На стене, чёрной от копоти, над самым самогонным аппара-

том, висит в засиженной мухами раме фотография Ванькиных родителей. Слева зять, худой парень с лицом Ринго Стара и усами а ля Песняры, справа Ванюшкина мать, полнощёкая красавица с косой толщиной в руку. Ходит бабка по избе, делает свои старушечьи дела, а как взглянет на стену, так и прослезится. Поглядит после этого на Ваньку мокрыми глазами, поглядит, да и подложит внуку брюквы из своей тарелки. Ест Ванька брюкву деревянной ложкой, а Никитична подгоняет: «Давай, Ванюшка, ешь скорее, да спать айда, ужо вставать завтра рано. Урожай собирать пойдём.» «Баб, а баб, а ты сказку расскажешь? – пристаёт Ванька к старухе, – А то не усну!»

– « А кокую ж тебе, Ванюшка, сказку?»

– " А про шахтёрску лошадь!»

«Про шахтёрску лошадь? – вздыхает старуха, – Ну ладно, про лошадь так про лошадь». И они, укрывшись рогожей, укладываются на печи. «Давным-давно, ящо при кадетях, – начинает Никитична, -за тридевять земель, жила в заброшенной шахте шахтёрска лошадь. И была та лошадь зело борза, и до еды зла вельми. А глаз у той лошади не было, потому как на что лошади глаза, она ж не художник и не шофёр, чаво ей там глядеть! Ну вот, а копыта у той лошади были как у Стоханова, и как почует она, что брюква где, аль бутерброды кто принёс, так сразу шасьт туды, и отымет!»

«Баб а баб, что такое бутерброды?» – перебивает Ванька.

– « Цыц, пострел, лежи тихо, а то говорить не буду!»

Но Ваньке очень страшно, и он не унимается: " Баб, а баб, а шахтёрска лошадь к нам не приползёт? » Ванюшка волнуется, вспомнив про недоеденную брюкву, оставленную на столе.

« Не приползёт. » – успокаивает его старуха.

– " А почему не приползёт? »

– " Да далеко шибко, не доползёт. Ты давай, Ванька, засыпай лучше, а то вставать завтра рано. »

Никитична зевает беззубым ртом, и уже спустя минуту громкий храп её оглашает избу. Через некоторое время, поворочившись малость, засыпает и Ванюшка. И тогда, в ночной тиши, между приступами старушечьего храпа, становится слышно как унылый дождь стучит по дранке на крыше, да бегаёт в сенях по дну оцинкованной параша случайно упавшая туда мышь.

Той ночью разыгралось ненастье в Очкове ненашутку. Прорвало словно небеса над деревней, и шквалистый ветер рвал дранку, и метал с размаху целые вёдра воды и грязи в стены домов. И отзывались заброшенные избы, гудели печными трубами, и плакали жалобно ржавыми петлями на ставнях. А гроза грохотала всё сильнее, всё яростнее. И казалось порою, будто это сам Небесный Борис громыхает над деревней в своём жестяном мерседесе, и глядя вниз хохочет, хохочет, указуя кривым перстом на заколоченный сельсовет. А когда остановил он свою колымагу прямо над домом Никитичны, да переломил со страшным трес-

ком об колено древко копья, то сотряслась изба, и проснулся от грохота Ванька на печи. Вылез из под рогожи, сел, и смотрит недоумевая в темноту. И не понимает Ванька, где он и что с ним, сон ли это или явь, а ежели сон, то чей? Может, снится всё это, и сам он, и тёмная изба лежащей рядом бабке, а он лишь подглядывает случайно её сновидения. И в эту минуту слышит вдруг Ванюшка странное чавканье под полом, как будто кто-то там жуёт глинозём. «Шахтёрска лошадь!» – понимает Ванька, чувствуя, как леденящий душу, древний ужас забирается под рубашку. И тут, в свете молнии, видит мальчонка прижавшееся к оконному целлофану страшное лошадиное лицо с шариками для пинг-понга вместо глаз. Комья глины прилипли к его бледным щекам, а раздутые ноздри жадно втягивают целлофан, пытаясь учуять брюкву на Ванькином столе. «Баба! Баба! – кричит Ванька, толкая старуху в бок, – Проснись, там шахтёрска лошадь пришла!» Бабка нехотя просыпается. Спросонья она зла и раздражительна и шипит на внука: «Чаво разорался, дурак! Шас дам по жопе, будет тогда тебе шахтёрска лошадь! Ремня отцовского давно не видал, пострел! Спи!» Упоминание отцовского ремня развеивает чары. Глядит Ванька снова на окно, да только нет там никого, пропала лошадь! Залезает он тогда под свою рогожу, да и засыпает сызнова.

Утром проснулась Никитична поздно. Ванюшку сразу будить не стала. Слезла, кряхтя, с печи и поплелась до ветру. А когда вышла на крыльцо, то страшным воем, таким, како-

го не слыхала очковская земля со времён Ярославны, огласила старуха окрестности. Взмыли в небо испуганные галки, и на вопль этот нечеловеческий выскочил из избы без подштанников заспанный Ванька, да так и остался стоять остолбенелый. Никогда не видал ещё Ванюшка на своём коротком веку такого опустошения! Не узнать ему было родного огорода! Бессильно свисала пожухшая ботва, и по всему было видать, что то, к чему она крепится под землёй уже не существует. Зато громоздились повсюду свежевыврытые земляные кучи, наподобие кротовых, но только в тысячу раз большие, и расходились из огорода пунктиром, уронив плетень, с одной стороны на северо-запад, к заброшенным шахтам, а с другой стороны на юго-восток, за деревню, во чисто поле. И там, где уходили они во чисто поле разбросаны были надкусанные буряки, да дымила ещё на холодке могучая куча конских яблок. До самого обеда ползали бабка с внуком по огороду, пытаясь спасти что уцелело. Да где там! Почти всё поела шахтёрская лошадь, а что не смогла поесть, то надкусила, так что либо сразу вари, либо выкидывай, потому как всё равно пропадёт, сгниёт через неделю. Полведра брюквы, да полведра буряка, вот и весь урожай! И стало ясно Никитичне как божий день, что не видать теперь Ваньке ни горного техникума, ни белой каски мастера, а вместо этого, что бы с голоду не околеть, одна теперь у сироты дорога – на шахту Новую, к тамошнему верхнему менеджеру, в пидоры. Потому, как помнила Никитична мудрость шахтёрскую, мудрость

старинную, слезами людскими омытою, что «лучше пидором в правленье, чем воронам на кормленье». Ну а ей то, старой, куда? Тоже теперь у неё одна дорога, к Ванькиным родителям, на погост. И такая неизбывная, вековая тоска навалила тут на старуху, что села Никитична на земляную кучу, да и зарыдала в голос. Так и просидела бабка на куче до самого вечера, а когда уже стало смеркаться, появились у её плетня со стороны заброшенных шахт два молодых партизана с перфораторами наперевес, волочивших за собой длинную ржавую цепь со строгим ошейником на конце. Постояли, улыбаясь глупо, с виноватым видом у поваленного плетня, а затем подошли к старухе, и рассказали, видать в утешение, что, мол, прохудилась старая цепь, ну и сорвалась с неё бестия во время вчерашней грозы. Пробила боковой шурф, и ушла в чисто поле, и что идут они по следу со вчерашнего дня, но за нею разве угонишься, ежели у неё копыта, как у Стаханова. А ещё, мол, в Заднем Проходе, утешали парни бабку, набезобразничала сволочь тоже, поела два огорода! Ну да только разве этим утетишь доброго человека? Ну а как узнали, что собирается Никитична Ваньку на Новую отдавать, так сами сразу и взялись довести пацана, им ведь всё равно по дороге, туда, видать, лошадь подалась. Собрала тогда бабка в котомку всю брюкву, что была, повесила котомку на Ваньку, перезвездила его трижды по старинному обычаю, да и отпустила от себя. А сама пошла в хибару, легла на печь, и стала лежать, смерти дожидаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.